

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1700](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700)

Т. А. Нестик, И. В. Задорин

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗ

Правильная ссылка на статью:

Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>.

For citation:

Nestik T. A., Zadorin I. V. (2020) Russians' Attitudes towards Global Risks: Socio-Demographic and Psychological Factors Affecting People's Perception of Threats. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 4—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>. (In Russ.)

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗ

НЕСТИК Тимофей Александрович — доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-MAIL: nestik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>

ЗАДОРИН Игорь Вениаминович — руководитель, Исследовательская группа ЦИРКОН, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

Аннотация. Обоснована актуальность изучения динамики и закономерностей отношения россиян к глобальным рискам в условиях пандемии. На основе анализа результатов международных исследований рассматриваются различия в содержании массовых страхов по поводу глобальных рисков в различных регионах мира, а также социально-психологические типы отношения людей к глобальным рискам. Представлены результаты проведенного в сентябре 2019 г. всероссийского опроса населения ($N = 1600$), направленного на выявление массовых страхов и социально-психологических характеристик отношения к глобальным рискам у представителей разных социально-демографических категорий россиян. Показано, что уверенность перед лицом глобальных угроз под-

RUSSIANS' ATTITUDES TOWARDS GLOBAL RISKS: SOCIO-DEMOGRAPHIC AND PSYCHOLOGICAL FACTORS AFFECTING PEOPLE'S PERCEPTION OF THREATS

Timofei A. NESTIK¹ — Dr. Sci. (Social Psychol.). Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology
E-MAIL: nestik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>

Igor V. ZADORIN^{2,3} — CEO; Senior Researcher at the Center for Complex Social Studies
E-MAIL: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

¹ Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² ZIRCON Research Group, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper substantiates the importance of studying the dynamics and patterns of the Russians' attitudes towards global risks in a pandemic. Based on the analysis of international studies the authors examine different components of collective fears related to global risks in various regions of the world as well as social and psychological types of people's attitudes towards global risks. The paper presents the findings of a Russian nationwide survey conducted in September 2019 ($N = 1600$) and aimed at identifying collective fears and social and psychological features of the attitudes towards global risks across various socio-demographic categories of the population. The study shows that confidence in the face of global threats is supported by individual's social resources: higher education, high social

держивается социальными ресурсами личности: высшим образованием, высоким социальным статусом, хорошим экономическим состоянием, проживанием в крупном городе с развитой инфраструктурой, возможностями территориальной мобильности. Предикторами тревоги по поводу глобальных рисков оказались частота просмотра телевидения и внимание к новостям о глобальных катастрофах; чувство уязвимости, связанное с неудовлетворительным материальным благосостоянием и ростом неравенства; групповая и территориальная самоидентификация; а также общий уровень тревоги о будущем. Высокий уровень тревоги по поводу угроз сопровождается низким социальным доверием, консервативными установками и ориентацией на авторитарных лидеров. Анализ динамики восприятия глобальных рисков в 1996, 2006 и 2019 гг. позволяет говорить о росте беспокойства по поводу войны и стабильно высоком уровне тревоги по поводу эпидемий, природных катастроф и бедствий. Выявлены наиболее распространенные среди россиян социально-психологические стратегии реагирования на глобальные риски: ориентация на коллективное противодействие угрозам, фаталистическое игнорирование и религиозный традиционализм.

Ключевые слова: глобальные риски, массовые страхи, пандемия, изменение климата, социальная идентичность, доверие

Благодарность. Исследование выполнено по гранту РНФ №18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

status, high level of economic well-being, opportunity to live in a large city with good infrastructure, and opportunity for geographical mobility. Predictors for anxiety related to global risks are frequency of exposure to TV watching and focus on the news about global disasters; a sense of vulnerability related to poor financial well-being and rising inequality; group and territorial self-identification; and a general level of anxiety about the future. Higher anxiety levels come with low social trust, conservative settings and orientation towards authoritarian leaders. Analysis of the dynamics in the perceptions of global threats in 1996, 2006 and 2019 points to increasing war-related anxiety and stable levels of disquietude related to epidemics, natural disasters. The study identifies the most common strategies of response to global threats among Russians, more specifically, a focus on collective resistance to threats, fatalistic ignorance and religious traditionalism.

Keywords: global risks, fears, pandemic, climate change, group identity, social trust

Acknowledgments. The study is supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 18-18-00439 “Psychology of human beings in conditions of global risks”).

Введение

Пандемия COVID-19, ставшая одновременно беспрецедентным медицинским, социально-экономическим и информационно-политическим явлением, резко обострила вопрос о корректном восприятии населением разных стран глобальных вызовов и угроз. Многолетние разговоры в кругу элит о «едином мире», «общепланетарных рисках» и «глобальных проблемах, затрагивающих всех жителей Земли», для подавляющего числа россиян до последнего времени были лишь внешним информационным фоном, возможно любопытным, но слабо связанным с их реальной жизнью и насущными проблемами. Тотально распространенный среди советских граждан страх мировой ядерной войны уже не доминирует среди граждан, чья социализация проходила после 1985 г. Более поздние угрозы, связанные с изменением климата, истощением природных ресурсов, экологическим загрязнением, при всей их действительной актуальности до последнего времени не казались россиянам повсеместными, требующими коллективных (общемировых) усилий и рассматривались локально (в пределах региона проживания) с соответствующими претензиями к локальным стейкхолдерам.

Угроза заражения коронавирусом SARS-Cov-2, возможно, впервые после холодной войны и связанной с ней ядерной угрозой привела большую долю российского населения в состояние страха перед лицом именно глобальной угрозы, пришедшей в Россию из-за рубежа и требующей серьезных совместных усилий всего общества и государства. Не случайно столь популярной для обозначения неожиданного явления стала метафора войны. Пандемия COVID-19 потребовала от очень многих россиян существенных изменений социального поведения (другой формат трудовой активности, ограничения передвижения, домашняя изоляция, физическое дистанцирование и пр.). Отношение к этим изменениям (в том числе готовность следовать санитарно-эпидемиологическим требованиям) во многом определялось восприятием *серьезности (существенности) угрозы, доверием к действиям властей и ощущением ответственности за здоровье (и даже жизнь) окружающих людей*. Причем оперативные исследования, проведенные с марта по июнь 2020 г., показали широкий спектр возможных реакций на угрозу массового заболевания и требования по обеспечению эпидемиологической безопасности: от полного непризнания (игнорирования) до панического страха и чрезмерной (патологической) самоизоляции. В связи с этим вопрос адекватности восприятия гражданами глобальных угроз перестает быть предметом сугубо академических исследований. Выявление ключевых социально-психологических факторов восприятия глобальных проблем и рисков, а также стимулов ответственного социального поведения в ситуации обострения угрозы, должно стать важным полем прикладных исследований для формирования эффективной информационной и социальной политики государства и общественных объединений в соответствующих чрезвычайных ситуациях.

В настоящей статье авторы хотели бы представить результаты проведенных ими исследований по теме общественного восприятия глобальных рисков, которые могут послужить для постановки вопросов будущих исследовательских проектов прикладного характера.

Глобальные риски в массовом сознании: международные сравнения

Под глобальными рисками принято понимать вероятные события, явления или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно многим странам или отраслям мировой экономики. Согласно отчету Всемирного экономического форума, в 2020 г. в пятерку наиболее вероятных глобальных рисков входят *экстремальные погодные явления, неспособность адаптироваться к изменению климата, природные бедствия, сокращение биологического разнообразия, антропогенные экологические катастрофы* [The Global Risks Report, 2020]. Можно сказать, что судьба человечества все больше зависит от отношения к этим глобальным рискам, то есть от особенностей антиципации, переживания и осмысления как самих глобальных угроз, так и возможной совместной деятельности, направленной на их усиление, использование или предотвращение.

Эмпирические исследования массовых страхов¹, связанных с глобальными рисками, свидетельствуют о том, что острота их переживания различается в разных регионах мира. Это подтверждается результатами около 80 тыс. интервью, проведенных в 40 странах агентством Pew Research в 2015 и 2017 гг.² Итоги опроса 2015 г. показывают, что в Латинской Америке, Южной Африке, Индии и Китае жители считали наиболее серьезной угрозой *глобальное изменение климата*, тогда как у жителей стран Ближнего Востока, США и Европы наибольшие опасения вызывала *угроза международного терроризма*, в Польше и Украине наибольшей угрозой считали *Россию*, в Израиле — *ядерную программу Ирана*, а во Вьетнаме — *Китай*. Есть и угрозы, беспокоящие большинство жителей земного шара. Опрошенные жители 19 из 40 стран, в которых проводилось исследование в 2015 г., назвали в качестве наиболее серьезной угрозы *глобальное потепление*. В других странах, в том числе в России, наиболее значимой была угроза *экономической нестабильности*³.

Согласно исследованию, проведенному в 2018 г. среди жителей Австралии, Бразилии, Китая, Германии, Индии, России, Южной Африки, Швеции, Великобритании и США агентством ComRes по заказу Global Challenges Foundation, наиболее значимыми для респондентов оказались риски *изменения климата, стихийных бедствий и природных катастроф, политически мотивированного насилия, эпидемий и использования оружия массового уничтожения* [Attitudes to Global Risk..., 2018].

Приведенные данные исследований последних лет подтверждают выводы более раннего пилотного проекта одного из авторов статьи, реализованного с партнерами в 2006 г. на онлайн-платформе GMI. По итогам опросов населения стран

¹ Под *массовыми (коллективными) страхами* в настоящей статье понимаются неспецифичные страхи (тревоги, опасения, беспокойства), охватывающие значительное число лиц под воздействием общих для этих лиц (неиндивидуальных) угроз.

² Carle J. (2015) Climate Change Seen as Top Global Threat Americans, Europeans, Middle Easterners Focus on ISIS as Greatest Danger. *Pew Research Center*. July 14. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/07/14/climate-change-seen-as-top-global-threat/> (дата обращения: 11.10.2020); Poushter J., Manevich D. (2017) Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats. *Pew Research Center*. August 1. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/01/globally-people-point-to-isis-and-climate-change-as-leading-security-threats/> (дата обращения: 11.10.2020).

³ Carle J. (2015) Climate Change Seen as Top Global Threat Americans, Europeans, Middle Easterners Focus on ISIS as Greatest Danger. *Pew Research Center*. July 14. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/07/14/climate-change-seen-as-top-global-threat/> (дата обращения: 11.10.2020).

«Большой восьмерки» был сделан вывод о социокультурных основаниях различий в опасениях и тревогах граждан относительно социальных угроз. «Общий уровень тревожности в странах континентальной Европы (Франция, Германия, Италия) существенно выше, чем в „атлантических“ странах (США, Канада, Великобритания). При этом в первом случае заметно выше актуальность культурной проблематики (традиции, мораль и т. п.), а во втором — респонденты чаще опасаются угроз, связанных с возможной потерей социального комфорта. В известной мере можно говорить о двух типах тревожного сознания — „европейском“ и „атлантическом“» [Задорин, 2006а: 98].

В некоторых из указанных выше исследований было выявлено, что различия в оценке рисков существенно детерминируются идеологическими и политическими предпочтениями. Так, в Европе и США сторонники правых взглядов и партий более высоко оценивали угрозу *вынужденной миграции* и угрозу *со стороны ИГИЛ*, чем представители левого политического крыла. Наоборот, угрозу *глобального изменения климата* респонденты левых политических взглядов оценивают выше, чем сторонники правых. В США 86% опрошенных либералов (сторонников Демократической партии) признали *глобальное потепление* серьезной угрозой, тогда как среди консерваторов (сторонников Республиканской партии) таких оказалось всего 13%⁴.

Кросс-культурные различия в содержании осознаваемых глобальных рисков, а также динамика значимости угроз связаны с тем, что массовые страхи являются своего рода проекцией на будущее тех проблем, которые актуальны для общественного сознания сегодня. Очевидно, что представления о будущем формируются при обсуждении текущей социальной реальности, тех событий настоящего, которые затрагивают интересы крупных социальных групп [Чего опасаются россияне, 2008; Задорин, Шубина, 2009]. С одной стороны, социальные страхи помогают оценивать настоящее, облегчают и легитимируют социальную категоризацию. С другой стороны, они мобилизуют ресурсы социальной группы и, повышая внимание к той или иной информации, дают возможность подготовиться к различным сценариям развития событий. Внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностей, информационных каналов, доверия людей друг к другу и социальным институтам [Kasperson et al., 2003].

Обобщая результаты зарубежных исследований, можно сделать вывод, что среди респондентов наиболее развитых в экономическом плане стран «западного мира» распространен социальный пессимизм. По данным кросс-культурного исследования, 24% опрошенных считают, что в ближайшие 100 лет с вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли [Randle, Eckersley, 2015]. Очевидно, что такого рода фаталистические воззрения влияют на выбор модели социальной реакции на угрозу, причем в большей степени предполагая пассивное реагирование.

Имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменению климата, терроризму и др.) позволяют с уверенностью говорить

⁴ Poushter J., Manevich D. (2017) Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats. Pew Research Center. August 1. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/01/globally-people-point-to-isis-and-climate-change-as-leading-security-threats/> (дата обращения: 11.10.2020).

о существовании множества типов отношения к глобальным рискам. Например, исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории [Roser-Renouf, Maibach, 2018]: «алармисты» (12%), «озабоченные» (27%), «осторожные» (25%), «безразличные» (10%), «скептики» (15%), «противники» (10%). В своих исследованиях Р. Экерсли выделяет три основных психологических типа отношения к возможному исчезновению человечества с лица земли: нигилистическое, фундаменталистское и активистское [Randle, Eckersley, 2015]. При нигилистическом отношении признание неизбежности катастрофы сопряжено с гедонизмом и стремлением жить во благо близкого круга лиц. Фундаментализм характеризуется убеждениями в том, что мы вступаем в окончательную войну добра и зла и для сохранения человечества необходимо вернуться к традициям и религиозным ценностям. Наконец, активизм предполагает веру в то, что для спасения мира необходимы радикальные изменения и объединение усилий.

Посвященные глобальным рискам популяционные исследования, проводившиеся ранее в России и за рубежом, либо были направлены на выявление содержания и динамики массовых страхов, либо были сфокусированы на изучении представлений о путях предотвращения какого-то определенного типа рисков. Анализ психологических стратегий, используемых россиянами для совладания с информацией о глобальных рисках, с учетом социально-демографических характеристик респондентов ранее не проводился. Между тем эмпирические исследования показывают, что информирование о глобальных рисках требует учета именно такого рода социально-психологических характеристик личности [Leiserowitz et al., 2018; Roser-Renouf, Maibach, 2018].

Дизайн и методы эмпирического исследования

Для выявления связи между обеспокоенностью теми или иными угрозами и социально-психологическими характеристиками отношения к глобальным рискам у представителей разных социально-демографических категорий россиян в рамках проекта Института психологии РАН в сентябре 2019 г. было проведено популяционное исследование в виде всероссийского опроса населения (формализованное интервью face-to-face)⁵. Выборочная совокупность ($N = 1600$) репрезентирует взрослое население России по параметрам пола, возраста, образования, типу населенного пункта и географии (региональной представительности). В исследовании приняли участие жители восьми федеральных округов: Центрального ($N = 430$), Северо-Западного ($N = 174$), Южного ($N = 192$), Северо-Кавказского ($N = 96$), Приволжского ($N = 306$), Уральского ($N = 153$), Сибирского ($N = 174$), Дальневосточного ($N = 75$).

Для выявления представлений россиян о глобальных рисках респондентам опроса предлагалось оценить по 4-балльной шкале свою обеспокоенность 15 возможными негативными изменениями ситуации в России и 15 возможными негативными изменениями в мире (глобальные риски). Для определения отношения к глобальным рискам была использована сокращенная 21-пунктная версия

⁵ Исполнитель опроса — Исследовательская группа ЦИРКОН (<http://www.zircon.ru>). В дальнейшем при ссылке на исследование указывается «Опрос ИП РАН — ЦИРКОН (2019)».

опросника «Отношение к глобальным рискам», ранее использовавшаяся одним из авторов в других исследованиях [Нестик, Журавлев, 2018]. Для измерения *глобальной, гражданской и локальной идентичности* использовались скрининговые вопросы, также апробированные в предшествующих исследованиях («Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством», «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Я связываю свое будущее с судьбой своего города»). Кроме того, респондентам предлагалось выбрать из списка семь социальных категорий (например, россиянин, житель своего города, житель планеты Земля и др.) те самоидентификации, которые они лично считают для себя приоритетными. Для измерения *генерализованного социального и институционального доверия* респондентов просили оценить степень своего согласия с утверждениями «Я считаю, что большинству людей можно доверять» и «Я уверен, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся». Наряду с традиционным социально-демографическим блоком вопросов в анкету были включены пункты, направленные на выявление (1) *религиозной самоидентификации (вероисповедания)*, (2) *ощущения ответственности перед предшествующими и будущими поколениями*, (3) *доверия к СМИ*, (4) *удовлетворенности своей жизнью* и (5) *удовлетворенности текущим экономическим статусом*.

Опасения по поводу глобальных рисков среди представителей различных социально-демографических групп россиян

Рейтинг значимости различных глобальных рисков в массовом сознании россиян в целом представлен в виде частотных распределений ответов респондентов на вопрос: «Сейчас я буду перечислять Вам некоторые возможные негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире, а Вы скажите, в какой мере Вас беспокоят эти явления». Варианты ответов в виде 4-балльной шкалы: 0 — «Совершенно не беспокоит», 1 — «Немного беспокоит», 2 — «Определенно беспокоит», 3 — «Очень сильно беспокоит (вызывает страх)» (см. рис. 1).

Данные опроса ИП РАН — ЦИРКОН (2019) хорошо согласуются с результатами опросов Фонда «Общественное мнение» за 2015—2019 гг., согласно которым наибольшую тревогу вызывают антропогенные экологические глобальные риски: угрозы химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов и засорения планеты отходами. Более того, по данным ФОМ, озабоченность экологическими последствиями человеческой деятельности растет, тогда как значимость экстремальных погодных явлений снижается⁶. Возможно, россияне придают большее значение тем рискам, на которые они могут повлиять через активизм и политические решения. Это может указывать на механизм, аналогичный когнитивному диссонансу: нагнетаемая СМИ тревога по поводу глобальных рисков требует действий, но поскольку граждане не видят способов повлиять на ситуацию, они неосознанно занижают вероятность и последствия глобальных угроз, используя дискурсивные стратегии депроблематизации: «Политики разберутся...», «Этим должны заниматься специальные службы!», «Есть более важные социальные проблемы!», «Природа сама справится!» [Kellstedt, Zahran, Vedlitz, 2008; Нестик, Журавлев, 2018].

⁶ Тревоги и опасения: повседневная жизнь, страна, мир // Фонд «Общественное мнение». 2019. 16 апреля. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14194> (дата обращения: 11.10.2020).

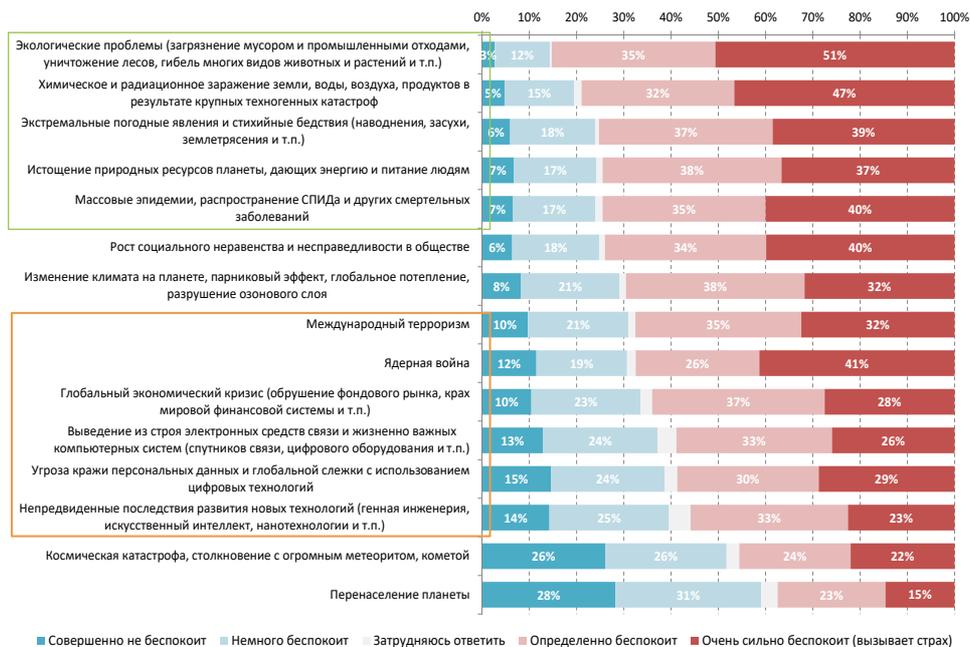

Рис. 1. Уровень обеспокоенности глобальными рисками (в % от всех респондентов)

В контексте пандемии COVID-19 обращает на себя внимание доля респондентов, которых определенно или очень сильно беспокоила в сентябре 2019 г. угроза «массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных заболеваний» — 74,5%. Удивительным образом эта доля точно совпадает со средней долей респондентов ВЦИОМ, отвечавших во время пандемии на вопрос «Опасаетесь ли Вы сейчас, что Вы сами или Ваши близкие могут заболеть коронавирусом?» «очень боюсь» и «в какой-то мере опасуюсь» — 74% (данные 10 опросов со 2 апреля по 13 июня). В известной степени этот уровень может считаться оценкой доли российских граждан, в той или иной степени включенных в «дискурс заражения» и чувствительных к соответствующей информации.

Представленный в вопроснике перечень глобальных рисков, судя по результатам факторного анализа (альфа-факторный анализ с вращением varimax, суммарная объясненная дисперсия = 51%), в массовом сознании хорошо разделяется на две группы: (1) риски, связанные с экологическими и природными явлениями, (2) риски, связанные с социальными и технологическими явлениями и процессами. В таблице 1 указаны факторные нагрузки исходных переменных, а также доля респондентов, испытывающих очень сильное беспокойство (страх) по поводу соответствующего явления (угрозы).

На основе указанного разделения были построены две индексные переменные (индексы опасений), каждая из которых представляет собой сумму баллов по восьми исходным переменным (переменная «обеспокоенность ядерной войной» вошла в оба индекса, поскольку имела примерно одинаково высокие нагрузки по обо-

им факторам). Два индекса, значения которых изменяются от 0 до 24, хорошо коррелируют друг с другом (см. рис. 2), что означает сходные оценки степени беспокойства по поводу разных глобальных рисков, которые многие российские респонденты высказывают, не разделяя по существу разные риски и не разбираясь в них. Фактически это делает обоснованным предположение об *общей основе этих оценок — общем уровне тревоги по поводу будущего.*

Таблица 1. Распределение глобальных рисков по факторам — индексам опасений

Исходная переменная (угроза, опасность)	Фактор 1 (нагрузки)	Фактор 2 (нагрузки)	% опасяющихся
Экологические проблемы (загрязнение мусором и промышленными отходами, уничтожение лесов, гибель многих видов животных и растений и т. п.)	,770		85 %
Химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф	,733		79 %
Истощение природных ресурсов планеты, дающих энергию и питание людям	,659		75 %
Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний	,609		75 %
Экстремальные погодные явления и стихийные бедствия (наводнения, засухи, землетрясения и т. п.)	,557		75 %
Изменение климата на планете, парниковый эффект, глобальное потепление, разрушение озонового слоя	,624		70 %
Ядерная война	,498	,466	68 %
Рост социального неравенства и несправедливости в обществе		,251	74 %
Международный терроризм		,568	68 %
Глобальный экономический кризис (обрушение фондового рынка, крах мировой финансовой системы и т. п.)		,591	64 %
Выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных компьютерных систем (спутников связи, цифрового оборудования и т. п.)		,686	59 %
Угроза кражи персональных данных и глобальной слежки с использованием цифровых технологий		,657	59 %
Непредвиденные последствия развития новых технологий (генная инженерия, искусственный интеллект, нанотехнологии и т. п.)		,488	56 %
Космическая катастрофа, столкновение с огромным метеоритом, кометой	,312		46 %
Перенаселение планеты		,631	37 %

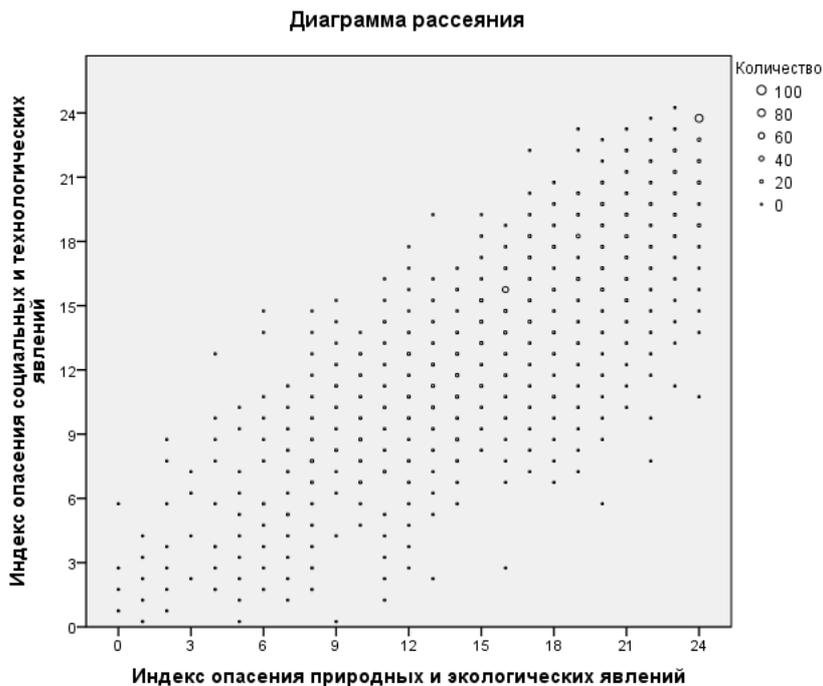

Рис. 2. Диаграмма рассеяния респондентов в пространстве индексов опасений

Далее будут показаны другие общие основания для восприятия разных глобальных рисков.

При детальном анализе распределения значений индексных переменных для различных социально-демографических групп выявились следующие различия:

— женщины и респонденты старшего возраста несколько чаще дают высокие оценки своему беспокойству по поводу глобальных рисков, чем мужчины и молодежь; различия между указанными группами невелики, но статистически значимы;

— лица со средним (и ниже) образованием, со средним экономическим положением и невысоким потребительским статусом заметно более тревожны, чем респонденты с высшим образованием, хорошим экономическим положением и высоким потребительским статусом («можем позволить себе дорогие покупки»);

— жители Москвы, Санкт-Петербурга, городов-миллионников, а также идентифицировавшие себя как «европеец» или «гражданин мира» (глобальная идентичность), существенно менее тревожны, чем жители сёл, небольших городов и лица с региональной идентичностью («считаю себя прежде всего жителем данной области, края...»);

— жители ЦФО, СЗФО и ПФО заметно реже высказывают серьезные опасения, чем жители ЮФО, СКФО, УФО, СФО и особенно ДВФО; территориальные различия индексов опасений довольно заметны и, вероятно, связаны с природными особенностями регионов, в том числе частотой различного рода стихийных бедствий в них;

— респонденты, идентифицировавшие себя как *верующие православные*, чаще выражают высокое беспокойство по поводу глобальных рисков, чем *атеисты* («ответы «Не считаю себя верующим человеком»).

Выявленные различия в оценке глобальных рисков можно обобщить на основе концепции социальных ресурсов индивида. Очевидно, что высшее образование, высокий социальный статус, хорошее экономическое состояние, проживание в крупном городе с развитой инфраструктурой, возможности территориальной мобильности — все это социальные ресурсы человека, позволяющие ему чувствовать себя увереннее перед лицом различных угроз, ощущать себя более защищенным. Напротив, отсутствие таких ресурсов естественно вызывает повышенную тревожность, выражающуюся в том числе в более высокой обеспокоенности далекими и малопонятными глобальными рисками.

Помимо социально-ресурсных факторов, во многом определяющих выраженность тревоги респондентов относительно глобальных рисков, в исследовании был выявлен фактор с самой высокой различительной силой. Им оказался фактор включенности респондента в *информационный поток СМИ*: чем выше частота просмотра ТВ, тем выше оценки опасений. Далее влияние этого фактора на выраженность тревоги по поводу глобальных рисков будет подтверждено и другими данными.

Визуализация вышеуказанных различий представлена на рисунке 3, где в пространстве двух индексных переменных позиционированы различные социально-демографические группы респондентов: координатами каждой группы являются средние значения индексных переменных для данной группы респондентов.

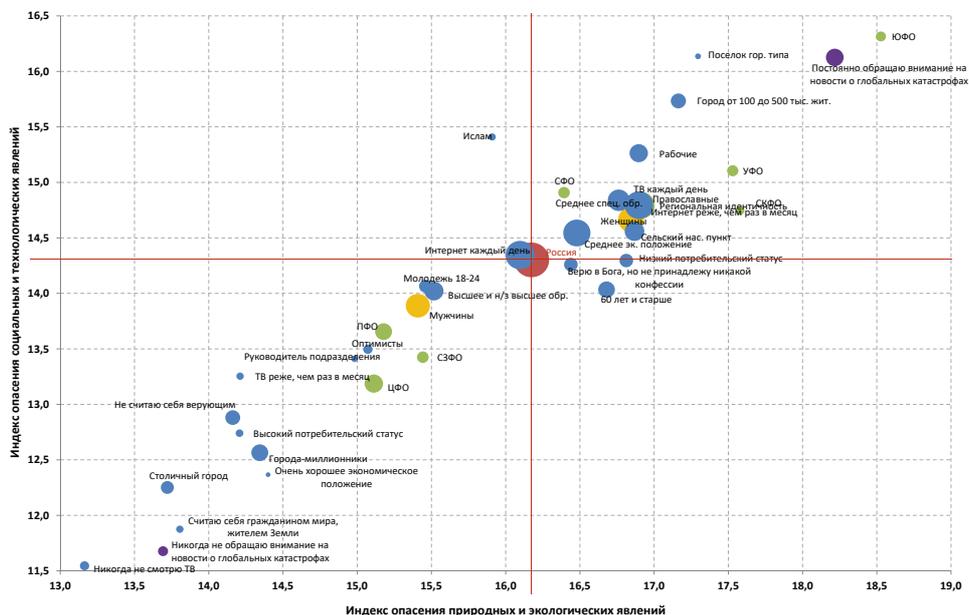

Рисунок 3. Позиционирование различных социально-демографических групп в пространстве индексов опасений по поводу глобальных рисков (средние значения индексов опасений для разных групп)

Динамика тревоги по поводу негативных глобальных явлений

Конечно, можно предположить, что восприятие глобальных угроз (и оценка их «опасности») существенно зависит от того контекста, в котором находится респондент (прежде всего имеется ввиду событийный контекст, текущий информационный фон, наличие/отсутствие собственного опыта переживания соответствующей угрозы). В этой связи любопытно посмотреть, как изменялись оценки тревоги россиян по поводу некоторых глобальных рисков в течение последних десятилетий с учетом изменяющегося контекста. В таблице 2 приведены данные трех исследовательских проектов, разделяемые довольно большими временными промежутками⁷. Следует признать, что все три сравниваемых опроса проводились с несколько различающимся инструментарием и схемами формирования выборки респондентов. Вместе с тем, как нам кажется, при определенной модификации шкалы измерения (приведение к 3-балльной) сравнение вполне возможно на качественном уровне и весьма показательно (см. табл. 2а). Для расширения сравнительного анализа приводим также данные по некоторым «внутрироссийским рискам» (см. табл. 2а)⁸.

Таблица 2. Динамика восприятия некоторых глобальных рисков (% респондентов с соответствующими ответами на вопрос)

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф</i>				
Меня это не беспокоит	2	10	5	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	29	32	47	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	68	57	47	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	2	Затрудняюсь ответить
<i>Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний</i>				
Меня это не беспокоит	6	12	7	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	30	44	52	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	64	44	40	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	2	Затрудняюсь ответить

⁷ 1996 г. — проект «Катастрофическое сознание в современном мире» (Институт социологии РАН, Мичиганский университет (США), группа ЦИРКОН), всероссийский опрос населения, число респондентов — 1350 человек (проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

2006 г. — проект «Восприятие социальных рисков и угроз населением стран СНГ» (НП МИА «Евразийский монитор»), всероссийский опрос населения России, численность респондентов = 1600 человек (разработка опросника и проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

2019 г. — «Восприятие гражданами России глобальных рисков и угроз» (Опрос ИП РАН — ЦИРКОН), всероссийский опрос населения, численность респондентов = 1600 человек (проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

⁸ Подробнее см. [Задорин, 2006b] и [Задорин, Шубина, 2006].

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Экстремальные погодные явления и природные катастрофы и бедствия (засухи, пожары, наводнения, землетрясения)</i>				
Меня это не беспокоит	17	15	6	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	48	43	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	34	42	39	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	1	Затрудняюсь ответить
<i>Крупные террористические акты (взрывы, поджоги, захват заложников)</i>				
Меня это не беспокоит	12	8	10	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	41	33	56	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	45	58	32	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	1	1	Затрудняюсь ответить
<i>Ядерная война</i>				
Меня это не беспокоит	25	21	12	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	36	40	45	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	37	30	41	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	8	2	Затрудняюсь ответить

Таблица 2а. Динамика восприятия некоторых внутрироссийских рисков (% респондентов с соответствующими ответами на вопрос)

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Угроза нападения других государств, возможная война России с другими государствами</i>				
Меня это не беспокоит	39	32	13	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	35	38	52	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	22	29	33	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	4	1	2	Затрудняюсь ответить

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Угроза гражданской войны, революции, политические беспорядки</i>				
Меня это не беспокоит	10	33	16	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	40	43	57	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	48	23	25	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	1	2	Затрудняюсь ответить
<i>Угроза диктатуры и массовых репрессий, ограничения демократических свобод</i>				
Меня это не беспокоит	27	46	18	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	39	35	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	28	17	23	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	6	3	4	Затрудняюсь ответить
<i>Рост преступности, криминализация общества</i>				
Меня это не беспокоит	4	5	7	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	28	29	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	66	65	37	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	0	1	Затрудняюсь ответить
<i>Коррупция, произвол властей и беззаконие</i>				
Меня это не беспокоит	9	11	4	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	33	34	45	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	53	53	50	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	5	1	1	Затрудняюсь ответить

Как видим, за более чем 20 лет общий уровень тревожности по большинству угроз (особенно внутрироссийских) снизился. Однако эти изменения не радикальны и вполне интерпретируются на основе анализа изменения социально-политического контекста. Так, существенное уменьшение уровня страха «химического и радиационного заражения земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф» очевидно является следствием постепенного ухода «чернобыльского синдрома» (со скоростью смены поколений) в отсутствие в стране сколь-нибудь сопоставимых техногенных аварий. Также понятно резкое сокращение страха терроризма после окончания чеченской войны (и поствоенного террора) и постепенного ухода в историю терактов 11 сентября 2001 г. Вместе

с тем беспокойство по поводу ядерной войны становится более распространенным, что хорошо коррелирует с ростом уровня беспокойства относительно угрозы возможной войны России с другими государствами после известных событий 2008 г. (российско-грузинский конфликт) и 2014 г. (российско-украинский конфликт). Также обращает на себя внимание стабильность уровня тревоги по поводу природных катастроф и бедствий, поддерживаемого регулярно случающимися в стране наводнениями, лесными пожарами и т. п., хорошо освещаемыми средствами массовой информации.

Социально-психологические стратегии реагирования личности на глобальные угрозы

Несмотря на то что большая часть глобальных рисков вызывает довольно схожую реакцию большинства россиян (две трети и более респондентов выражают обеспокоенность десятью из пятнадцати предложенных к оценке рисков), психологические «основания» этой обеспокоенности весьма различны.

В исследовании ИП РАН — ЦИРКОН (2019) респондентам предлагалось выразить свое согласие/несогласие с суждениями, отражающими определенные психологические установки восприятия глобальных рисков, включая возможное поведение при повышении вероятности угроз. Набор суждений был сформирован на основе опросника «Отношение к глобальным рискам», ранее использовавшегося одним из авторов в других исследованиях [Нестик, Журавлев, 2018]. Степень согласия измерялась по 5-балльной шкале от 1 до 5. Результаты опроса приведены в таблице 3.

Таблица 3. Характеристики отношения к глобальным рискам

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Тревога по поводу глобальных рисков	Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков	11 %	8 %	24 %	21 %	33 %	4 %
	Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества	14 %	11 %	28 %	22 %	21 %	5 %
Необходимость объединения усилий (сотрудничества) для предотвращения угроз	Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо учиться договариваться и понимать друг друга	3 %	5 %	15 %	22 %	49 %	6 %
	Массовые бедствия, техногенные и гуманитарные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям	7 %	8 %	25 %	24 %	27 %	9 %
	Чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности	4 %	5 %	20 %	25 %	41 %	4 %

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благо своих близких перед неизбежной катастрофой	Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно жить сегодняшним днем и получать удовольствие от жизни	16%	12%	23%	18%	24%	7%
	В случае глобальной катастрофы кто-то из людей наверняка выживет, и жизнь будет продолжаться	9%	8%	25%	20%	28%	10%
	Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей	9%	12%	27%	20%	24%	9%
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям	Все в руках Божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	19%	12%	21%	17%	21%	11%
	Чтобы предотвратить масштабные угрозы человечеству, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям	17%	12%	26%	18%	17%	10%
Надежда на лидеров: вера в то, что лидеры стран разрешат кризис, принимая решения во благо человечества	В случае мирового кризиса, угрозы «большой» войны или глобальной катастрофы государственные лидеры будут действовать в интересах всего человечества, они не допустят катастрофы	19%	12%	27%	17%	14%	10%
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	Лучший способ предотвратить ядерный удар — нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	50%	11%	12%	9%	8%	10%
	Ради спасения всего человечества можно пожертвовать интересами отдельных стран и категорий людей	31%	13%	22%	13%	11%	10%
Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет	32%	13%	17%	12%	11%	16%
Авторитаризм: поддержка сильных политиков	Для предотвращения глобальных угроз нужны политики, способные принимать жесткие, непопулярные решения	9%	10%	28%	23%	19%	12%

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Выживание: вера в возможность выживания в глобальной катастрофе при соответствующей подготовке	Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)	18%	12%	25%	19%	17%	9%
Активизм: готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	14%	11%	27%	20%	18%	10%
Ориентация на самозащиту: готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи	39%	14%	20%	12%	8%	8%
	Масштабные катастрофы можно с большой уверенностью предсказать заранее	14%	13%	26%	20%	16%	10%
Отношение к алармизму в массмедиа	Я стараюсь быть в курсе того, что пишут СМИ о глобальных угрозах	15%	15%	32%	20%	15%	4%
	Нагнетание тревоги в СМИ по поводу глобальных катастроф только мешает поиску путей их предотвращения	9%	11%	31%	20%	17%	11%

Как видно из результатов опроса, среди россиян наиболее распространена (по крайней мере на уровне деклараций) ориентация на стратегию **коллективного предупреждения и противодействия угрозам**: «Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо учиться договариваться и понимать друг друга», «чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности». В той или иной степени с этими установками солидаризовались более 2/3 респондентов. Напротив, **индивидуалистические стратегии** («предпринимаю меры для защиты себя и своей семьи») и их радикальная антитеза **«избирательного гуманизма»** («ради спасения всего человечества можно пожертвовать интересами отдельных стран и категорий людей») не получила большой поддержки — несогласных около половины. Довольно распространены установки **«фаталистического игнорирования угрозы»** и **«религиозного традиционализма»** («все в руках Божьих»). Вместе с тем налицо весьма высокая дифференциация (дисперсия) оценок согласия/несогласия с разными

суждениями, что свидетельствует о фрагментированности массового сознания, разнообразии культурных стереотипов россиян. Это может создать определенные трудности при реализации общенациональных кампаний по предупреждению (профилактике) и противодействию глобальным угрозам (в том числе в случае массовых эпидемий).

Выявлены **региональные различия** в выраженности характеристик отношения к глобальным рискам. Наиболее низкие показатели *тревоги по поводу глобальных рисков* и *апокалиптизма* оказались у жителей Центрального и Северо-Западного федеральных округов, тогда как наиболее высокие они у респондентов из Уральского, Дальневосточного, Южного и Приволжского округов. При этом высокие показатели *апокалиптизма* в Уральском и Дальневосточном округах сопровождаются также самым высоким уровнем *оправданности радикальных решений для предотвращения катастроф*. По-видимому, выявленные различия могут объясняться разной подверженностью российских округов природным рискам [Атлас природных и техногенных..., 2005; Доклад об особенностях климата..., 2019], а также, возможно, сформировавшимся у жителей этих регионов чувством «заброшенности», оторванности от центра принятия решений и источника усилий, направленных на решение проблем, стоящих перед страной.

Коллективное (совместное) спасение от глобальных угроз, которое, судя по данным опроса, предпочитают россияне, очевидно требует соответствующего уровня общественного доверия и готовности взять ответственность за благополучие и жизнь других людей. В вопросник ИП РАН — ЦИРКОН (2019) были включены суждения, касающиеся таких установок. Результаты в виде частотных распределений ответов приведены в таблице 4.

Таблица 4. **Индикаторы общественного доверия и ответственности**

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Ответственность за других	Я чувствую ответственность за свои поступки перед поколениями моих близких и далеких предков (родителями, дедами и прадедами и т. д.)	9%	8%	26%	24%	29%	5%
	Я чувствую ответственность за благополучие будущих поколений людей	8%	7%	26%	26%	29%	5%
	Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством	18%	15%	27%	17%	17%	7%
Доверие (межличностное и институциональное)	Я считаю, что большинству людей можно доверять	14%	15%	30%	24%	14%	3%
	Я уверен, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся	25%	17%	27%	16%	10%	5%

Из таблицы 4 видно, что при высоком уровне декларируемой ответственности за других (более 50 % респондентов, по их словам, чувствуют ответственность перед предками и будущими поколениями) уровень межличностного и особенно институционального доверия вызывает опасения за эффективное сотрудничество граждан и власти во время чрезвычайных ситуаций.

Некоторые социально-психологические факторы восприятия глобальных рисков

Одной из рабочих гипотез описываемого исследования ИП РАН — ЦИРКОН (2019) являлась гипотеза о влиянии психологических и социокультурных установок на восприятие глобальных рисков и выраженность тревоги по поводу них.

Для проверки данной гипотезы был осуществлен множественный линейный регрессионный анализ, в котором значения двух индексных переменных опасений (см. выше) моделировались через независимые переменные 30 суждений-установок.

Вычислительные эксперименты были остановлены на двух представленных ниже регрессионных моделях (см. табл. 5а и 5б).

Таблица 5а. *Предикторы тревоги по поводу природных и экологических явлений*

Характеристики отношения к глобальным рискам	B	Стд. ошибка	Бета	t	Знач.
(Константа)	11,754	,756		15,539	,000
Q14.3 В случае глобальной катастрофы кто-то из людей наверняка выживет, и жизнь будет продолжаться	-,256	,100	-,056	-2,562	,010
Q14.19 Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет	,246	,098	,058	2,514	,012
Q14.20 Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков	,351	,120	,082	2,937	,003
Q14.21 Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества	1,296	,126	,297	10,259	,000
Q14.23 Я чувствую ответственность за благополучие будущих поколений людей	,333	,113	,071	2,959	,003
Q4.1 Прежде всего, скажите, как часто Вы обычно...? — Смотрите телепередачи (на любом устройстве, в том числе онлайн)	-,439	,105	-,094	-4,198	,000
Q13. Обращаете ли Вы внимание на новости, сообщения в СМИ, посвященные глобальным катастрофам?	-,854	,142	-,135	-6,018	,000

Таблица 5б. **Предикторы тревоги по поводу социальных и технологических явлений**

Характеристики отношения к глобальным рискам	В	Стд. ошибка	Бета	t	Знч.
Q14.12 Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи	,366	,100	,087	3,669	,000
Q14.15 Масштабные катастрофы можно с большой уверенностью предсказать заранее	,398	,103	,090	3,869	,000
Q14.19 Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет	,386	,101	,093	3,814	,000
Q14.21 Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества	1,077	,109	,251	9,888	,000
Q15.1 Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством	,308	,105	,073	2,942	,003
Q15.3 Я связываю свое будущее с судьбой своего города	-,299	,107	-,069	-2,806	,005
Q15.6 Я часто задумываюсь о будущем нашей страны	,304	,117	,066	2,598	,009
Q4.1 Прежде всего, скажите, как часто Вы обычно...? — Смотрите телепередачи (на любом устройстве, в том числе онлайн)	-,395	,106	-,086	-3,736	,000
Q13. Обращаете ли Вы внимание на новости, сообщения в СМИ, посвященные глобальным катастрофам?	-,814	,144	-,131	-5,658	,000

Нетрудно заметить, что одним из главных (и, возможно, решающим) фактором опасения по поводу глобальных рисков является **включенность респондента в катастрофический дискурс массмедиа** («ежедневный просмотр ТВ» и «частое обращение внимания на сообщения, посвященные глобальным катастрофам», фиксация тревог «*Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества*»). Другие важные факторы — «апокалиптичность» («*Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет*») и общая тревога по поводу будущего («*Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков*»). Заметим также, что на выраженность опасений по поводу социальных и технологических рисков влияет «космополитичность» респондента («*Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством*», «*Не связываю собственное будущее со своим городом*»).

Таким образом, в рамках исследования выяснено, что *основной вклад в значимость глобальных рисков вносят следующие социально-психологические факторы:*

1) внимание к информации СМИ в целом и к сообщениям о глобальных катастрофах в частности,

- 2) чувство уязвимости, связанное с неудовлетворительным материальным благосостоянием и ростом неравенства,
- 3) групповая и территориальная самоидентификация,
- 4) общий уровень тревоги по поводу будущего.

Эти данные подтверждают теоретические положения о том, что все глобальные риски, как антропогенные, так и природные, носят социальный характер, так как представления о них формируются преимущественно через СМИ, а сами риски оцениваются личностью на основании собственной групповой принадлежности [Douglas, Wildavsky, 1982; Нестик, 2016].

В целом проведенный анализ социально-психологических и социально-демографических характеристик различных типов отношения к глобальным рискам показывает, что *высокий уровень тревоги по поводу этих рисков* зачастую сопровождается консервативными установками и ориентацией на авторитарных лидеров.

Следует отметить важность чувства сопричастности к судьбе будущих поколений и готовность нести ответственность за них и других людей. Это, безусловно, ключевой элемент программ предупреждения и минимизации рисков негативных глобальных процессов.

Заключение

Восприятие населением глобальных рисков и угроз существенно отличается от восприятия внутристрановых и тем более локальных проблем. Прежде всего это связано с отсутствием у большинства населения личного опыта непосредственного контакта с источником угроз и переживания последствий тех или иных катаклизмов. В этой ситуации отношение к рискам (в том числе оценка реальной опасности) формируется в основном на базе сообщений СМИ и сформированных в ходе совместной жизнедеятельности социально-психологических паттернов реагирования на коллективную угрозу.

К сожалению, освещение в СМИ проблем глобального изменения климата, вирусных пандемий и других возможных природных катастроф носит преимущественно алармистский характер, что ярко отражается в названиях публикаций: *«Климатологи напугали мир: землю ждет аномальная жара»*, *«Человечеству предрекли „адскую“ жару»*, *«Предсказано скорое наступление глобальной катастрофы»* и т. п.

Такие «новости» и похожие публикации о планетарных угрозах, конечно, повышают озабоченность глобальными рисками, но никак не сказываются на готовности к участию в их предотвращении и защите от их последствий [Нестик, Журавлев, 2018]. Более того, само по себе нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков приводит к усилению фаталистических установок, закрепляет так называемую выученную беспомощность. Возникает когнитивный диссонанс между тревогой и собственным бездействием, который запускает различные защитные механизмы: снижение вероятности рисков, отодвигание их во времени и пространстве, использование дискурсивных стратегий их депроблематизации.

Между тем многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что запугивание чаще демобилизует человека, чем настраивает его на активное сопротивление угрозе. Для

стимулирования человека к ответственному социальному поведению и соучастию в коллективном противодействии «напасти» (в том числе вирусному заражению) гораздо более эффективно увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь [Rakow, Heard, Newell, 2015; Нестик, Журавлев, 2018]. Действенными оказываются такие сообщения о глобальных рисках, которые повышают самооценку аудитории и открывают новые возможности, содержат информацию о конкретных шагах, которые позволяют людям почувствовать, что они в большей мере могут влиять на свое настоящее и будущее.

Глобальное изменение климата, истощение природных ресурсов, массовые эпидемии и другие пока недооцененные глобальные риски (например, непредвиденные негативные последствия развития технологий) в условиях социального пессимизма опасны не только и не столько физическими последствиями для качества жизни россиян, сколько своими макропсихологическими эффектами. Неверие в способность общества ответить на большие вызовы порождает новые виды депрессивных расстройств, усиливает переживание несправедливости и провоцирует асимметричные ответы молодого поколения на последствия недальновидной политики элит («синдром Греты Тунберг»). Ослабление экологических общественных организаций в России и преследования экоактивистов [Цепилова, 2019] сокращают возможности для конструктивного стратегического диалога и поиска сложных решений с учетом всех заинтересованных сторон. При низком социальном доверии формируются условия для солидаризации молодежи на основе коллективных страхов, а не на основе коллективных мечтаний и позитивных целей. При этом в российском обществе расширяется основа для поддержки быстрых, радикальных, авторитарных мер предотвращения глобальных рисков.

Данные, полученные авторами статьи в представляемом и других исследованиях, указывают на то, что нагнетание тревоги в СМИ публикациями о приближающихся природных катастрофах может приводить к деструктивным эффектам: такие публикации могут формировать фаталистические установки и нетерпимость к другим, снижая готовность людей к индивидуальным или коллективным действиям в условиях природной или антропогенной катастрофы. При информировании населения о возможных катастрофах и угрозах не следует противопоставлять человека природе, важно поддерживать доверие к социальным институтам и предлагать четкую программу действий, которая формирует самоуважение, повышает ответственность гражданина за свое собственное здоровье и жизнь, ориентирует его на заботу о других людях и укрепляет веру в способность влиять на свою судьбу [Нестик, Журавлев, 2018]⁹.

Список литературы (References)

Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации / под общ. ред. С. К. Шойгу. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2005.

⁹ Игорь Задорин: «Я готов к тому, чтобы ускориться и заново побежать» // коронаФОМ: Фонд «Общественное мнение». 2020. 15 мая. URL: <https://covid19.fom.ru/post/igor-zadorin-ya-gotov-k-tomu-chtoby-uskoritsya-i-zanovo-pobezhat/> (дата обращения: 11.10.2020).

Shoygu S. K. (ed.) Atlas of Natural and Technological Hazards and Risks of Emergency Situations in the Russian Federation. Moscow: Design. Information. Cartography. (In Russian)

Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации. М.: Росгидромет, 2019.

Report on the Climate in the Russian Federation. (2019) Moscow: Roshydromet. (In Russ.)

Задорин И. В. Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран «Большой восьмерки» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006а. № 3. С. 91—98.

Zadorin I. V. (2006a) Social Threats: Fears and Anxieties of the Population of the G8 Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 91—98. (In Russ.)

Задорин И. В. Чего больше всего боятся россияне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006б. № 4. С. 109—118.

Zadorin I. V. (2006b) What Russians are Most Afraid of. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 109—118. (In Russ.)

Задорин И. В., Шубина Л. В. Восприятие россиянами социальных рисков и угроз: состояние и динамика за 10 лет // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 3. С. 29—38. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-42-3-29-38>.

Zadorin I. V., Shubina L. V. (2006) The Way Russians Perceive Social Risks and Threats: Status and 10-Year Dynamics. *Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. No. 3. P. 29—38. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-42-3-29-38>. (In Russ.)

Задорин И. В., Шубина Л. В. Социальные тревоги и опасения россиян // Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. С. 112—129.

Zadorin I. V., Shubina L. V. (2009) Social Anxieties and Fears of Russians. In: Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V. (eds.) *Russia at a New Turning Point: Fears and Anxieties*. Moscow: Alpha-M. P. 112—129. (In Russ.)

Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1. С. 24—38.

Nestik T. A. (2016) Global Risks as a Psychological Phenomenon. *Ways to Peace and Security*. No. 1. P. 24—38. (In Russ.)

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018.

Nestik T. A., Zhuravlev A. L. (2018) Psychology of Global Risks. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Чего опасаются россияне? / под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Gorshkov M. K. (ed.) (2008) What are Russians Afraid of? Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2019. № 2. С. 14—19. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>.

Tsepilova O. D. (2019) Political and Socio-Economic Development of Modern Russia: Environmental Obstacles and Risks. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 2. P. 14—19. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. (In Russ.)

Attitudes to Global Risk and Governance Survey 2018. (2018) Stockholm: Global Challenges Foundation. URL: <https://globalchallenges.org/wp-content/uploads/ComRes2018.pdf> (accessed: 11.10.2020).

Douglas M., Wildavsky A. B. (1982) *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, CA: University of California Press.

Kasperson J. X., Kasperson R. E., Pidgeon N., Slovic P. (2003) The Social Amplification of Risk: Assessing Fifteen Years of Research and Theory. In: Pidgeon N., Kasperson R. E., Slovic P. (eds.) *The Social Amplification of Risk*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 13—46. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511550461.002>.

Kellstedt P. M., Zahran S., Vedlitz A. (2008) Personal Efficacy, the Information Environment, and Attitudes toward Global Warming and Climate Change in the United States. *Risk Analysis*. Vol. 28. No. 1. P. 113—126. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2008.01010.x>.

Leiserowitz A., Maibach E., Roser-Renouf C., Rosenthal S., Cutler M., Kotcher J. (2018) *Climate Change in the American Mind: March 2018*. New Haven, CT: Yale Program on Climate Change Communication. URL: <https://www.climatechangecommunication.org/wp-content/uploads/2018/04/Climate-Change-American-Mind-March-2018.pdf> (accessed: 11.10.2020).

Rakow T., Heard C. L., Newell B. R. (2015) Meeting Three Challenges in Risk Communication: Phenomena, Numbers, and Emotions. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 2. No. 1. P. 147—156. <https://doi.org/10.1177/2372732215601442>.

Randle M. J., Eckersley R. (2015) Public Perceptions of Future Threats to Humanity and Different Societal Responses: A Cross-National Study. *Futures*. Vol. 72. P. 4—16. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2015.06.004>.

Roser-Renouf C., Maibach E. W. (2018) Strategic Communication Research to Illuminate and Promote Public Engagement with Climate Change. In: Hope D. A., Bevins R. A. (eds.) *Change and Maintaining Change*. Cham: Springer. P. 167—218. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96920-6_6.

The Global Risks Report 2020. (2020) Geneva: World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (accessed: 11.10.2020).